

DOI 10.15393/j9.art.2016.4001

УДК 821.161.1.09“17”

Ольга Владимировна Захарова*Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)*

ovzakh05@yandex.ru

**ОБРАЗ АЛЕШИ ПОПОВИЧА
В «БОГАТЫРСКОМ ПЕСНОТВОРЕНИИ»
Н. А. РАДИЩЕВА
(проблема жанровых трансформаций)***

Аннотация. В XVIII–XIX вв. были предприняты попытки литературного освоения фольклорных героев и жанров. Одним из литературных персонажей стал былинный и сказочный герой Алеша Попович, именем которого названа поэма Н. А. Радищева (1801). Подражая фольклорным и литературным жанрам, начинающий автор создал оригинальное сочинение, в котором дан синтез былины, волшебной и богатырской сказки, героической и сентиментальной поэмы. В герое Радищева трудно признать богатыря, который побеждает соперников силой оружия и духа. В борьбе со злыми и враждебными силами ему помогают магические предметы и сверхъестественные способности. Став героем волшебной сказки, былинный герой перестает быть богатырем, поэтика волшебной сказки разрушает поэтику былины. В сказочном мире живут и действуют герои другой эпохи, которые в соответствии с литературной модой произносят сентиментальные речи, экзальтированно резонерствуют, плачут и страдают, вопреки рефлексии совершают свои подвиги любви и созидают семейное счастье: Алеша вместе с обретенной женой возвращается в Киев, богатырь снова становится дьячком. В оправдание этих жанровых экспериментов и трансформаций можно предъявить удачу другого поэта — «Руслана и Людмилу» А. С. Пушкина, которого вдохновила стихотворная сказочная повесть Радищева.

Ключевые слова: фольклорная сказка, литературная сказка, повесть, поэма, сентиментализм, богатырь, литературный герой, жанровые трансформации

Алеша Попович является не только былинным и сказочным героем, но и литературным персонажем. Он — младший из русских богатырей, о котором записано несколько былинных сюжетов: «Алеша Попович и Тугарин», «Алеша и Добрыня» («Добрыня в отъезде», «Добрыня на свадьбе своей жены»), «Алеша Попович и сестра Петровицей-Бродовичей».

Отличительными чертами героя являются «ловкость, удалство, бесшабашная храбрость и вместе с тем особая жизне-радостность, лукавство и задор» [17, 344]. Анализируя образ Алеши в былине «Алеша Попович и Тугарин», исследователи отмечали легкомысленность, смелость Алеши [12, 211]. Он является «обыкновенным человеком», «вполне реальным человеком», который обладает задатками характера: «Алеша способен на проявления буйного гнева, но он и насмешник, весельчак. Он умеет скрыть гнев за ядовитой шуткой, выводящей из себя его противника» [19, 40–81]. В сюжете былины «Алеша и Добрыня» герой представлен «бабьим пересмешником». В былине «Алеша и сестра Петровичей» герой является спасителем девушки, освобождает ее из заточения и берет в жены.

Прозаические тексты об Алеше Поповиче опубликованы в сборниках как былин, так и сказок. Некоторые из прозаических текстов являются пересказами былин, утратившими стихотворную форму, но сохранившими «былинную фразеологию и интонацию», другие, сохраняя сюжет, приобретают черты сказочной поэтики (структуру, стиль, мотивы) [3, 3]. По мнению А. М. Астаховой, «само освобождение от стихотворной формы уже создает условия для переключения сюжета в художественную систему сказочного жанра» [3, 3]. Во многих текстах сохраняются основные мотивы былинных сюжетов «Алеша и Тугарин», «Алеша и Добрыня». Вместе с тем в них есть сказочные контаминации сюжетов «Пойди туда, не знаю куда» и «спор о верности жены», в которых Алеша является второстепенным персонажем, «бабьим пересмешником» (см., напр., сказки № 313 и 314 из сборника Афанасьева [4]).

Наряду с фольклорным освоением образа героя, в русской словесности были предприняты попытки создания литературного образа Алеши Поповича.

Характеризуя русскую литературу XVIII — начала XIX веков, И. Булкина замечает, что «история в большинстве случаев шла здесь об руку с мифологией (“баснословием”), “историческая повесть” находилась в той же плоскости, что и сказка. “Русские сказки” и подобные им популярные

сочинения Чулкова, Попова и Левшина находились в прямой зависимости — жанровой и сюжетной — от западноевропейского “галантного романа”, и из того же “баснословного” источника брали свое начало первые опыты несостоявшегося “русского эпоса” — сказочно-богатырские поэмы Хераскова и Львова, Карамзина и Радищева» [7, 80].

В 1801 году поэт и переводчик Николай Александрович Радищев (1779–1829) издал две поэмы «Альоша Попович, богатырское песнотворение» и «Чурила Пленкович, богатырское песнотворение. В двух частях».

В этих произведениях выразилась одна из тенденций в развитии русской литературы конца XVIII — начала XIX веков, в которой решалась задача создания национального литературного эпоса. Подражая героическим поэмам Гомера, Вергилия, Ариосто и Виланда, следуя русским адаптациям античных традиций (И. Ф. Богданович), фольклорных сказок и былин (М. Д. Чулков, Н. М. Карамзин), начинающий автор пытался создать оригинальные национально-патриотические произведения. А. С. Пушкин невысоко оценил это произведение, в котором нет «и тени народности, необходимой в творениях такого рода» [13, 216].

Исследователи отмечают влияние на «Альошу Поповича, богатырское песнотворение» «Русских сказок» В. А. Левшина и «Ильи Муромца» Н. М. Карамзина [5]; [11]; [18]. Заимствования Радищевым из «Русских сказок» Левшина проанализированы И. П. Лупановой [11], М. А. Гистер [9].

Подробно и обстоятельно рассмотрен вопрос о влиянии Радищева на поэму «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина [8]; [15]; [14]; [2]; [1]; [18]. Эта точка зрения была опровергнута в работе А. Слонимского, который видел причину сходства «богатырского песнотворения» Радищева и поэмы А. С. Пушкина в общих мотивах «волшебнo-рыцарских и сказочной» литератур [16, 193].

Взаимодействие былины, волшебной сказки и «индивидуально-авторского литературного творчества» в богатырских песнотворениях Радищева рассмотрено в статье И. Л. Щедрина [18, 39], который отмечает «снижение роли былинного начала» в них: «Жанрами-посредниками выступила летопись,

на которую оказали определенное влияние фольклорные источники (то есть былина), а также литературная прозаическая богатырская сказка второй половины XVIII века (прежде всего, В. А. Левшин, чьи произведения, в свою очередь, были созданы под влиянием М. Д. Чулкова)» [18, 44]. Для исследователя богатырские поэмы и богатырские сказки — синонимичные понятия, сам же он определяет жанр произведений Радищева как «богатырские сказки», которые синтезируют традиции «Русских сказок» Левшина и богатырской поэмы Н. М. Карамзина «Илья Муромец».

Эпиграфом к богатырскому песнотворению Радищев выбирает первую строку из поэмы Вергилия «Энеида», чем задает тон всему произведению: «Оружие пою и мужа» (Эней, книга 1)»¹. Автор воспеваает богатыря и его подвиги, он подражает Вергилию: «Альошу древняго пою: / Внуши, Альоша! пѣснь мою» (3). По мнению Т. И. Акимовой, Радищев вводит «зачин», «противоположный сложившейся традиции», и «обращается не к Музе, а к главному действующему лицу» [1, 110].

Автор несколько раз использует несвойственную для фольклора форму имени богатыря Алексей. Его Алеша юн, весел, но мало похож на былинного богатыря. Он сомневается в своем предназначении, после первого поражения сознает, что напрасно отказался от прежнего ремесла и решил стать богатырем. Активное участие в судьбе героев принимают боги, они подчиняют их своей воле, дают советы, одаривают Алешу волшебными предметами (перстень, плеть), при помощи которых он одолевает врагов. Как и в античном эпосе, несчастья героев объясняются столкновением интересов богов.

Алеша в песнотворении Радищева рожден в Киеве, его отец — «жрецъ Перуна». Он так рассказывает о своей жизни:

Я вмѣстѣ съ нимъ богамъ служиль;
 За то намъ данъ была обильна,
 Въ довольствѣ, въ роскоши я жилъ.
 Я зналъ лишь жертвы закалатъ,
 Себя отъ олтаря питать (10).

В языческом храме Перуна он «воспевал» «стихеры», а противник, полонивший Алешу, называет его с насмешкой

«церковникомъ», «псаломщикомъ». Причиной тайного бегства из родительского дома является зародившееся в душе Алеши сомнение в своем предназначении. По мнению И. Булкиной, «характером героя (противоречивого дьячка-богатыря) Радищев-сказочник в большей степени обязан Карамзину и его “Илье-Муромцу”» [7, 107]; [6].

В шаблонном литературном стиле автор описывает выезд Алеши:

Златой <...> шлемъ горитъ въ огнѣ (3),
 Подъ шлемомъ волосы чернѣютъ,
 Віясь падутъ по раменамъ;
 Глаза блистаютъ и свѣтлѣютъ,
 Подобясь жаркимъ двумъ звѣздамъ.
 Онъ прямъ и строенъ такъ, какъ кедръ,
 И мечъ виситъ пониже бедръ.

*

Въ десной его копье златое,
 А въ шуйе крѣпкой черной щитъ,
 На коемъ знаменье святое,
 Изсѣченъ богъ Перунъ сидитъ.
 Броня желѣзна кроетъ грудь (4).

В чаще Алеша наезжает на Витязя. Радищев называет обоих рыцарями. Победа в поединке соперников оказывается за Витязем, который берет Алешу в плен: «Я дней твоихъ теперь властитель: / Прощаю дерзкому — возстань! / И вѣчно буди рабъ ты мой; / Вкуси смиренно жребій свой» (7).

Читатель же видит «дерзкого» Алешу иным, чувствительным и слезливым юношей: «огорченной, / Не смѣлъ окрестъ себя взглянуть», «Въ молчаньѣ горестномъ онъ былъ, / Закрывшись тихо слезы лиль» (7).

В рабстве Алеша встречается с товарищем, женоподобные черты которого вызывают у богатыря сначала удивление, а потом изумление. Преображение «товарища» воспламеняет в сердце Алеши любовь:

Сей юноша снялъ шлемъ высокой —
 Упали русые власы;
 Сей юноша голубоокой
 Явилъ прелестныя красы.
 Се дѣва юна предстоитъ —
 Въ Альошѣ кровь уже горитъ (12).

Пытаясь найти способ освобождения девы и себя, влюбленный герой решается на хитрость:

Храпяща Витязя сурова
 Безъ страха онъ тогда узрѣлъ.
 Онъ вервь тихонько наложилъ,
 И руки твердо прикрѣпилъ.
 По томъ связалъ и быстры ноги,
 Тянулъ ко древку ихъ плотнѣй (14–15).

Они бегут и уводят с собой всех коней, чтобы предотвратить погоню.

В песнотворении герой ведет себя не как богатырь, а как литературный герой. Автор подробно описывает его чувства, переживания и манерные страдания.

Найдя приют в густом и мрачном лесу, Алеша открывает свои чувства девице, признается в любви. Девица отвечает ему восторженной взаимностью:

Спаситель мой великодушной!
 Скажи, чемъ я тебѣ воздамъ?
 О юноша ты добродушной!
 Тебѣ какую плату дамъ
 За то, что ты рукой своей
 Хранишь дни юности моей?

*

Ахъ! я себя на вѣкъ вручаю
 Во власть, о юноша! твою;
 Тебѣ быть вѣрной обѣщаю —
 Прими и руку ты мою.
 Когдабъ я больше что могла,
 И тѣмъ тебѣ бы воздала (18).

Окрыленный взаимностью, Алеша возносит хвалу Перуну. Как истинный рыцарь герой падает на колени перед возлюбленной и пылко клянется в вечной любви. Девица рассказывает Алеше о себе: зовут ее Людмилой, она является дочерью Новгородского посадника Добросила, когда ей исполнилось девятнадцать лет, любовью к ней воспылал Челубей — победивший Алешу Витязь, сын Яги и Беса Астарота. Людмила отказала Челубею, тот хитростью и волшебством похитил ее: обернувшись соловьем, пением прельстил Людмилу, сел ей на плечо, превратился в орла и унес. Героиня

называет Челубея колдуном, который внушает ей жуткий страх. Алеша, «любовникъ нѣжной, страстной» (27), готов пожертвовать жизнью ради возлюбленной. Он надеется найти спасение в Киеве, где хочет стать жрецом Перуна. По дороге в Киев Алеша и Людмила заезжают в храм Лады, в котором жрица соединяет влюбленных, предвещает им тяжелую судьбу и дает супругам совет:

Бѣды старайтесь сносить;
Въ бѣдахъ васъ Небо испытаетъ,
Чтобъ больши радости родить,
Въ несчастныхъ, томныхъ дняхъ своихъ
Съ терпѣньемъ преносите ихъ (31).

Алеша готов защитить жену и свой брак. Жрица одаривает Алешу чудесным кольцом, благодаря которому он может

...преобращаться
Во всякой станъ, во всякой видъ,
Невидимымъ отъ всѣхъ скрываться,
И защищаться отъ обидъ;
Старайся только твердымъ быть,
Боговъ въ несчастьяхъ не винить (33).

Фабула песнотворения никак не связана с жанровым содержанием былины. Повествование Радищева раскрывает фабулу волшебной (вариант: богатырской) сказки или сказочной повести. Фигура богатыря, по-другому «рыцаря», сказочна. Он не может одолеть своих соперников без помощи волшебства и магических предметов. Герои Радищева действуют не только как сказочные фольклорные, но и как литературные герои, которые живут в новой художественной эпохе. Автор изображает своих героев чувствительными и сентиментальными. По каждому поводу герои произносят мелодраматические речи, экзальтированно резонируют, плачут, рыдают.

Беда настигает супругов на третью ночь, когда они уже увидели башни Киева. Невидимый для супругов, Челубей следует за ними, насылает на них «тяжкой сонъ», отмщая Алеше его же способом: привязывает его к дубу и похищает спящую Людмилу.

Радищев призывает читателя сочувствовать и сострадать переживаниям героев. Автор описывает, как Алеша обнаружил исчезновение Людмилы — никто не идет к нему на помощь, даже природа враждебна к герою:

Лазурь померкла ясна свода,
 Порывомъ буйной вихрь своимъ
 Предъ грозной бурей течеть,
 Древа изъ корней крѣпкихъ рветъ.

*

Сгустилась паче мгла ночная,
 Во слѣдъ катится грому громъ.
 Порывъ вихрь быстрой умножая,
 Играетъ дубомъ какъ перомъ (41).

Буря не страшит Алешу, он призывает ее прервать его муки, обращается к богам и Перуну с вопросом: в чем его вина, чем он прогневал их. Буря рушит дуб и освобождает героя, который находит коня и, проливая слезы, отправляется на поиски супруги. В пути он встречается со старцем, который призывает смириться, не хулить богов, а молиться им. Старец делится с Алешей познаниями из «волшебной книги». Напоминая о судьбе Орфея, старец предупреждает Алешу, чтобы тот не прикасался и не лобызал супругу, а только соглядал «ея прелестныя красы», иначе «погибнешь купно съ ней; / На долго разлученъ пребудешь / Съ супругой милою своей» (47).

При помощи волшебного перстня Алеша переносится в стеклянный чертог, в котором находится Людмила. Он забывает совет старца, заключает Людмилу в объятия, и в этот миг появляется Челубей:

Чертогъ потрясся, заскрыпѣлъ,
 И громъ надъ ними возревѣлъ.
 Се входитъ Челубей яряся,
 Огнями, бурей окружень;

Вокругъ его змія віяся
Простерла хвостъ вкругъ твердыхъ стѣнъ (49–50).

Алеша побеждает змея, но на богатыря нападает Челубей. Алеша воспользовался волшебным перстнем: превратился в мышь, Челубей — в кошку, бросился за ним, но потерял след. Людмила, решив, что супруг погиб, бросается в окно. От гибели ее спасают боги, она бежит следом за Алешей. Они снова обретают друг друга, пытаются скрыться от Челубея. Алеша превращается в коня, Людмила садится на него верхом. В один из дней перед ними вырастает стена, через которую Алеша не может ни перескочить в виде коня, ни перелететь в образе сокола. Окружающая их со всех сторон стена оказывается чарами Астарота, который поклялся помочь Челубею разлучить влюбленных. Вид стены наводит ужас на героев. Автор подробно описывает их переживания, терзания, слезное прощание с жизнью. В этот момент Астарот разлучает супругов. Несмотря на сопротивление, бес украл Людмилу: топнул ногой, земля разверзлась, и они провалились в бездну.

Алеша пытается их догнать, но безуспешно, опять впадает в уныние, решается на самоубийство, в этот момент является старец, который открывает ему способ спасения Людмилы. Он одаривает Алешу новым оружием — плетью, которая поможет ему одолеть беса.

С помощью перстня герой добирается до мрачного леса, известного «множеством чудес», в котором находится храм в честь враждебного ему бога Ния. В храме в виде старца ему является поляк Твердовский.

Ряд выразительных деталей этой встречи Радищев заимствует из «Повести о Алеше Поповиче — богатыре, служившем князю Владимиру» из сборника В. А. Левшина «Русские сказки».

Великой стук поднялся в капище, двери растворились настечь, и толстый поляк начал выглядывать из оных. «А! Господин хозяин! — сказал богатырь. — Не прогневайся, что я без спросу остановился здесь. Я думал, что дом этот пустой.» Поляк <i>скрытел на него зубами</i>. <...> Поляк вместо ответа, бросясь ему под ноги, <i>зачал кусать</i>. Богатырь, рассердясь, поймал его за волосы, зачал таскать и бить пинками; однако поляк не дал ему удовольствовать гнев, вырвался и ушел в капище. <...> Но неугомонный житель капища не дал ему покою. Едва зачал он засыпать, сей вышел опять, положил ему голову на брюхо и приготовлялся ногтями своими выдрать ему глаза; но голова его имела действие огня. Богатырь, почувствовав жжение, вскочил в ярости, оттолкнул прочь голову толь сильно, что поляк отлетел стремглав в стену и хотел уйти. Но Алёша, схватив саблю, ударил оною по голове. Удар сей был жесток, камень бы расселся от оно-го; но из головы мертвеца посыпались только искры, и провалился он сквозь пол... [10, 86] (курсив мой. — О. 3.).	Видѣнье странно вдругъ выходить, Носяще старца древня видѣ; Оно къ Альошѣ взоръ возводитъ, И грозно <i>челюстями скрыпнеть</i> (курсив мой. — О. 3.). Ступай отсель! оно речеть, Иль страшной адъ тебя пожретъ. — Не очень я тебя боюся! Альоша смѣло отвѣчалъ; Скорѣ въ гробъ я поселюся, Чемъ отъ тебябъ я побѣжалъ — И чудо треснулъ кулакомъ, Такъ, что глухой раздался громъ. * Старикъ, вздрогнувъ отъ заушенья, <i>Хотѣлъ Альошу укусить</i>; Но вновь страшася пораженья, Возмнилъ его уговорить, Чтобъ онъ скорѣй изъ храма шель; И тутъ упорство въ немъ нашель. * Ударомъ Витязь отвѣчаетъ На грозно слово старика; Тузя его, онъ возглашаетъ: Уже ль нашель ты дурака, Чтобъ безъ побѣды я пошелъ, Тебябъ простерта здесь не зрѣлъ? * Видѣнье вырвалось, бѣжало; Альоша въ слѣдъ его тузилъ; Оно стенаньи испускало, Его онъ плетью въ выю билъ. Видѣнье скрылось отъ него Во тѣмъ жилища своего (68–70).

Алеша прогоняет старика ударами плети. Решив, что бес побежден, «съ надеждой сладостной» герой продолжил путь.

В пути Алеша встречает нищего, который рассказывает ему свою историю. Этот эпизод также заимствован из «Повести о Алеше Поповиче — богатыре, служившем князю Владимиру» из сборника В. А. Левшина. Радищев лишь меняет имя беса, которому Твердовский закладывает дочь. У Левшина его имя Велзевул, а у Радищева — Астарот.

Нищий кратко рассказывает Алеше свою историю, в которой обнаруживаются совпадения с историей шляхтича из повести Левшина.

«Жених твой тебе помочь не будет в состоянии. Я сожгу в сию ж минуту все его имение...». Он исчез; я лишился всего моего имения внезапным пожаром [10, 87].	Ахъ, сильной богатырь, могучій! Я только годъ, какъ въ бѣдность впалъ; Отечество мнѣ лѣтъ дремучій, Я имъ недавно обладалъ: Но житель капища, что зрѣлъ, Меня во бѣдство тяжко ввелъ (72).
Сей поляк назывался Твердовский, оставил после себя несказанное богатство, и невеста моя единая оному наследница. По смерти его, познакомился я с оною. Мы восчувствовали взаимную склонность, и брак долженствовал соединить нас в назначенный день. Приготовлялись уже к торжеству, и невеста моя находилась в преогромном доме своем, отстоящем отсюда верстах в тридцати. В самую полночь предстал предо мной дух отца ее с страшным и гневным лицом. «Знаешь ли ты, — говорил он ей, — что я заложил тебя еще маленькую адскому князю Велзевулу? А ты хочешь вступить в брак без ведома господина твоего. Слушай! Ты и жених твой должны дать обязательство сему дьяволу на свои души, если хотите совершить ваше супружество. С сего часа дом сей и все мое богатство отдаю я во власть одного Велзевула...» [10, 87].	Онъ мертвъ назадъ тому три года, Но тѣнь его еще живетъ; Его страшится вся Природа, Дрожить, робѣть цѣлой свѣтъ. Я милу дочь его люблю, Для ней нещастіе терплю. * Едва хотѣлъ я сочεταιся Съ любезной красотой моею, Какъ началъ сей мертвецъ являться Во прежней хранинѣ своей; Онъ Астароту дочь вручилъ, Ему на вѣки заложилъ (72).
Невеста моя не имеет пропитания, понеже все сокровища ее лежат в доме, в коем всякую ночь привидения нагоняют на всех ужас и всех покушавшихся входить в дом тот, хотя днем, хотя ночью, удавляют. Я искал смелых людей; но по сех пор не нашел еще избавителя. Покушавшиеся за великое награждение освободить нас от несчастья погибли. Оних находили в доме оном раздробленных в мелкие части. Я прошу милостыни на сей дороге, и что получу, употребляю на пропитание свое и невесты моей, с которою несчастье и любовь меня соединили [10, 87–88]	Сей Бесъ со многими другими Въ чертогахъ милой мнѣ живетъ; Когтями страшными своими Меня въ ночь каждую онъ рветъ. Я многихъ Витязей просилъ, Чтобъ кто изъ нихъ его сразилъ; * Они въ сраженьяхъ погибли, А Бесъ терзанъи умножалъ; Мои всѣ силы погибли, Отъ милой я своей бѣжалъ. Прошу я добрыхъ здѣсь людей, Чтобъ въ грусти помогли моею (73).

«Друг мой! — сказал ему Алёша Попович. — Я богатырь странствующий, которые с собою денег не возят; следовательно милостины я тебе подать не могу. Однако я избавлю тебя и невесту твою. Должность моя помогать несчастным и наказывать злых; а я не нашел еще нигде злее твоего нареченного тестя. Я ночевал в капище. Он напал на меня без всякой причины; но я раскроил ему лоб. Я не знаю Велзевула, ни адского князя; но из того не следует, чтоб должно оных бояться. Веди меня в дом оный. Я обязуюсь выгнать отсюда всех пакостников. Мне сокровищ не надобно, я всем добро делаю даром; но обещаешься ли ты исполнять все, что я тебе прикажу, и быть в точном моем послушании до самого того времени, как я женю тебя на дочери Твердовского?» [10, 88].	Поѣду я въ твои чертоги! Альоша съ радостью сказалъ; Я зрѣлъ опасности ужь многи, И мертвеца ужь костылялъ; Не думаю, чтобъ онъ пришелъ, Коль хочеть самъ остаться цѣль (73).

Из заимствованного эпизода Радищев опускает встречу Алеши с разбойниками и победу над ними при помощи вилельников.

В начале третьей песни автор кратко рассказывает о злключениях Людмилы после похищения. Астарот перенес Людмилу в ад и угрожает ей страшными муками. От страданий Людмилу оберегает Перун. Бес спускается к крутому морскому берегу, оставляет Людмилу в ладье, вручая ее судьбу на волю вод.

Радищев живописует опасности, которые подстерегают Людмилу во время морского путешествия. Ладья разбивается о камни. Злключения Людмилы на острове — следствие колдовства Челубея. Колдун неоднократно показывает Людмиле видение погибающего Алеши, мстит Людмиле за свои муки любви, усугубляет ее страдания:

Твои всѣ члены разтерзаю!
Я въ томъ утѣху нахожу,
Отрады, сладости вкушаю,
Когда на скорбь твою гляжу;
Узри супруга ты теперь!
Предъ нимъ отверзлась гроба дверь (85).

Страдания Людмилы приносят радость Челубею, которого поэт называет «звѣрскимъ колдуномъ» (88).

Вторая часть третьей песни посвящена рассказу о подвигах Алеши.

Первую победу над бесами Алеша одержал в доме Твердовского.

Бесы являются в полночь. У Левшина они видимы, Радищев делает их невидимыми:

Настала полночь: преужасный вой поднялся в близлежащих комнатах, двери растворились, и представилось ему множество жрецов, идущих с факелами. Они пели надгробные песни и несли гроб закрытый [10, 90].	Вдругъ всѣ чертоги загремѣли, И вихрь въ нихъ двери растворилъ; Помосты съ стукомъ заскрыпѣли, Бѣсовъ огромной хоръ гласилъ: Кто дерзкой тако здѣсь сѣдитъ, И что онъ предприати мнить? <...> Не долго тишина продлилась, Смутился Витязя покой; Дверь съ шумомъ, съ трескомъ отворилась Жреца ужаснаго рукой; За нимъ толпа уродовъ шла, Покрытой съ пѣньемъ гробъ несла (92–93).

У Радищева бесы сначала устрашают Алешу «гласом хора», пытаются его прогнать. Невидимым бесам Алеша отвечает, что готов вступить с ними в бой. В ответ бесы «дохнули всѣм огнемъ» на Алешу, от которого тот укрылся щитом (93).

В повести Левшина Алеша изгоняет «жрецов» при помощи «железного дверного запора», в песнотворении Радищева герой побеждает «звѣрскаго жреца» и «толпу уродовъ» при помощи плети и меча.

Никто не отвечал ему, и каждый щелкал на него зубами и дышал огнем. «Вы великие невежи, — сказал он жрецам. — Не довольно, что мешаєте мне отдыхать; но и не ответствуете. Пора вам вон». С словом сим схватил он железный дверной запор, прогнал всех вон. Противились ему, дышали на него огнем, прыгали, как кошки, на стены и через него; однако он бил их без милости, и выгнав всех, запер двери крепко [10, 90].	Но сонмъ ему не отвѣчалъ, И пламень на него пускалъ. * Тогда Альоша осердился, Бранилъ несущихъ черной гробъ, И съ плетью вдругъ на нихъ пустился, Жреца ударилъ страшно въ лобъ. Ужасно звѣрскаго жреца завылъ И сонма ходъ остановилъ. * Но Витязь юной, озлобленной, Держа одною плетью рукой, Другую вынуть мечъ согбенной, Явилъ тутъ духъ великой своей, Разилъ онъ всѣхъ какъ грозной громъ, И тотчасъ опустѣлъ весь домъ (94).

В гробу Алеша обнаружил пана Твердовского, которого он побил плетью в храме.

Поляк вдруг открыл глаза и заскрипел на него зубами [10, 90].	Но вдруг Полякъ какъ вебрь вскочиль, Альошу за уши схватиль (95).

И у Левшина, и у Радищева Алеша отрывает Твердовскому голову:

«О! ты притворился только», — сказал богатырь, и потащил одного из гроба за волосы. Поляк опинался и противился; но богатырь подернув крепко, оторвал ему голову. В то мгновение гроб исчез, и удивленный Алёша Попович понес одну только голову в свою спальню. «Жаль мне тебя, — говорил он, садясь к печи, и положи голову у ног своих, — если б ты не так упрям был...». Но оторванная голова не дала ему докончить. Она укусила очень больно за ногу. Богатырь рассердился, и схватя голову, бросил в печь. Он продолжал еще ругательство к дерзкому поляку, и с удовольствием поглядывал в печь, как голова его обратится в пепл. Но комедия не кончилась [10, 90–91].	И выю взявши въ сильну длань, Раздраль Твердовскаго гортань. Глава Сарматска отдѣлилась Отъ сильныхъ, буйныхъ, крѣпкихъ плечь; Душа въ Альошѣ веселилась, Что скоро могъ онъ брань пресѣчь. Во прежню храмину онъ вшелъ, Сожегъ главу и къ печи сѣлъ. * Но кто опишетъ удивленьё Альоши въ сей ужасной часъ? Глава пріавъ въ трубу стремленьё, Возвысила ужасной гласъ: Я живъ! она ему рекла, И грозна смерть тебѣ пришла (95–96).

На этом эпизоде превращения колдуна не закончились:

Он увидел полякову голову, обратившуюся в страшново огненного змия, и самого поляка, выезжающего на оном к нему с пламенным мечом [10, 91].	И вдругъ изъ печи выѣзжаетъ На змиѣ яростномъ Полякъ; Онъ огненъ мечъ въ рукахъ имѣлъ, Какъ уголь зракъ его горѣлъ (96).

Герои Левшина и Радищева побеждают Твердовского разным оружием.

По счастью стояла у печи железная кочерга, довольно толшины, богатырь встал оную поляка толь удачно, что огненный змей со второго удара рассыпался в дребезги. Третий удар, направленный в толстую полякову шею, зацепил по оной крюком кочерги, и выбросил его раздробленного в окошко [10, 91].	Альоша, мракомъ окруженной, Не знаетъ плетью какъ разить; Ударъ, безъ меты устремленной, Ему случилось пустить: За выю Пана онъ задѣлъ И вервью плети обвертѣлъ. * Тогда всѣ силы напрягая, Твердовскаго онъ потащиль; Онъ вопли страшны изпуская, Пощады, милости просиль. Мольбѣ Альоша не внималь, Въ окно Твердовскаго бросаль (97).

После победы над Твердовским перед Алешей появляются Астарот и «полкъ чернопламенныхъ бѣсовъ». Алеша вступает в борьбу с Астаротом. Несмотря на ранение, герой побеждает Астарота и его свиту при помощи волшебной плети: «Альоша волосы щипальъ, / И бедра плетью окроплялъ» (100). Астарот умоляет Алешу о пощаде и готов показать, где заточена Людмила.

Алеша сообщает дочери Твердовского и ее жениху о своей победе и верхом на бесе отправляется на спасение Людмилы. В разговоре с Алешей Астарот во время пути проявляет себя любящим и заботливым родителем. Со слезами он уговаривает Алешу смягчить участь Челубея, но богатырь неумолим и пронзает его мечом.

В финале Алеша вместе со спасенной женой возвращается в Киев и снова становится дьячком. По мнению Т. И. Акимовой, «такой эпилог снижает героическое начало»: «Алеша Попович» демонстрирует авторскую иронию по отношению к собственным претензиям на героические деяния и права на народное просветительство, вызревающее у дворянства в масонской среде, и показывается это через сложившуюся матрицу волшебной-сказочной поэмы, культивируемой Екатериной» [1, 111].

В оправдание этих жанровых экспериментов и трансформаций можно предъявить удачу другого поэта — «Руслана и Людмилу» А. С. Пушкина, которого вдохновила стихотворная сказочная повесть Радищева.

Подражая фольклорным и литературным источникам, начинающий автор создал оригинальное сочинение, в котором есть признаки былины, волшебной фольклорной и литературной сказки, героической и сентиментальной поэмы. В таком сложном синтетическом единстве разных жанров предстает сказочная стихотворная повесть.

В результате жанровых трансформаций поэт создает оригинальный образ Алеши Поповича. Радищев называет Алешу рыцарем, он мало похож на богатыря, который побеждает соперников силой оружия и духа. В борьбе со злыми и враждебными персонажами ему помогают магические

предметы и сверхъестественные способности, что характеризует его как героя волшебной сказки. В произведении Радищева Алеша Попович не только сказочный персонаж, но и литературный герой, способный на сомнения в правильности выбранного пути, страдания, пылкость в выражении чувств.

Примечания

- * Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект 15-04-00366 а.
- ¹ Радищевъ Н. А. Альоша Поповичъ, богатырское пѣснотвореніе. Сочиненіе Н.....я Р.....ва. Часть первая. Москва: Въ Университетской Типографіи, 1801. С. 1–108. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

Список литературы

1. Акимова Т. И. Поэма А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» и волшебнo-сказочные поэмы конца XVIII — начала XIX века // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. — 2011. — № 23. — С. 106–115. — (Серия «Гуманитарные науки»).
2. Алексеев М. П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. — Л.: Наука, 1972. — 468 с.
3. Астахова А. М. Народные сказки о богатырях русского эпоса / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. — 120 с.
4. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: в 3 т. / подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков; отв. ред. Э. В. Померанцева, К. В. Чистов. — М.: Наука, 1985. — Т. 2. — 464 с.
5. Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века. — М.: Учпедгиз, 1951. — 687 с.
6. Булкина И. К сюжету о пане Твардовском (конспекты «киевской» баллады Жуковского // Пушкинские чтения в Тарту 3: Материалы международной научной конференции, посвященной 220-летию В. А. Жуковского и 200-летию Ф. И. Тютчева. — Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2004. — С. 41–63 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ruthenia.ru/document/535054.html> (10.11.2016).
7. Булкина И. Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное: дис. ... канд. филол. наук. — Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2010. — 211 с.

8. Владимиров П. В. А. С. Пушкин и его предшественники в русской литературе. — Киев: Тип. Императорского Университета св. Владимира Н. Т. Корчак-Новицкого, 1899. — 84 с.
9. Гистер М. А. Образ Алеши Поповича в русской литературной сказке XVIII — начала XIX века // А. М. П.: Памяти А. М. Пескова. — М.: РГГУ, 2013. — С. 158–183.
10. Левшин В. А. Повести о Алеше Поповиче богатыре, служившем князю Владимиру // Левшин В. А. Русские сказки: в 2 кн. — СПб.: Тропа Троянова, 2008. — Кн. 1. — 472 с.
11. Лупанова И. П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. — Петрозаводск: Гос. изд-во Карельской АССР, 1959. — 503 с.
12. Пропп В. Я. Русский героический эпос. — М.: ГИХЛ, 1958. — 603 с.
13. Пушкин А. С. Александр Радищев // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. — Т. 6: Критика и публицистика. — М.: ГИХЛ, 1962. — С. 210–220.
14. Семенников В. П. Радищев. — М.; Л.: Гос. изд., 1923. — 467 с.
15. Сиповский В. В. «Руслан и Людмила»: (К литературной истории поэмы) // Пушкин и его современники: материалы и исследования / комис. для изд. соч. Пушкина при Отд-нии рус. яз. и словесности Имп. акад. наук. — СПб., 1906. — Вып. 4. — С. 59–84.
16. Слонимский А. Л. Первая поэма Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. — [Вып.] 3. — С. 183–202.
17. Смирнов Ю. И., Смолицкий В. Г. Былины о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче // Добрыня Никитич и Алеша Попович / сост. Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкий. — М.: Наука, 1974. — С. 343–361.
18. Щедрин И. Л. Богатырские поэмы Н. А. Радищева: проблема памяти жанра былины // Держава та регіони. Серія: Гуманітарні науки. — Запоріжжя: Класичний приватний університет, 2014. — № 3 (38). — С. 39–45.
19. Юдин Ю. И. Героические былины (Поэтическое искусство) / АН СССР; отв. ред. Э. В. Померанцева. — М.: Наука, 1975. — 120 с.

Olga V. Zakharova

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
ovzakh05@yandex.ru*

**THE IMAGE OF ALYOSHA POPOVICH
IN N. A. RADISHCHEV'S
"BOGATYR SONGWRITING":
(THE ISSUE OF GENRE TRANSFORMATIONS)**

Abstract. In the 18th–19th centuries, there were attempts of literary appropriation of folklore heroes and genres. One of the literary characters was the epic and fairy hero Alyosha Popovich. N. A. Radishchev used this name as the title for his poem (1801). Imitating folkloric and literary genres, the unfledged writer created an original work, which comprised a synthesis of *bylina* (heroic epic song), fairy and bogatyr tale, heroic and sentimental poem. It is difficult to consider Radishchev's hero as a bogatyr who vanquishes his rivals by force of his sword and strength of his mind. He uses magic items and transcendent capacities in his fight with wicked and hostile enemies. Having become the hero of a fairy tale the epic hero ceases to be a bogatyr; the poetics of the fairy tale disrupts the poetics of the *bylina*. In the fantasy world, there live and act heroes of another age who deliver sentimental speeches in accordance with the literary fashion, chop logic exaltedly, weep and suffer, in spite of reflection they accomplish their feats of love and create family happiness: Alyosha comes back to Kiev with his found wife, and the bogatyr becomes sexton again. In defence of these genre experiments and transformations, it is possible to showcase the success of another poet — "Ruslan and Lyudmila" by A. S. Pushkin who was inspired by Radishchev's poetic fairy tale.

Keywords: folkloric fairy tale, literary fairy tale, long short story, poem, sentimentalism, bogatyr, literary hero, genre transformations

References

1. Akimova T. I. Poema A. S. Pushkina «Ruslan i Lyudmila» i volshebno-skazochnye poemy kontsa XVIII — nachala XIX veka [Pushkin's Poem "Ruslan and Lyudmila" and Magic Fabulous Poems of the Late 18th and Early 19th Century]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo. Seriya Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Penza State Pedagogical University Named After V. G. Belinsky. Series Humanities], 2011, no. 23, pp. 106–115.
2. Alekseev M. P. *Pushkin. Sravnitel'no-istoricheskie issledovaniya* [Pushkin. Comparative-Historical Research]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. 468 p.

3. Astakhova A. M. *Narodnye skazki o bogatyryakh russkogo eposa* [Folk Tales About Bogatyrs of Russian Epic Folk Stories]. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1962. 120 p.
4. Afanas'ev A. N. *Narodnye russkie skazki: v 3 tomakh* [Russian Folk Tales: in 3 Vols]. Moscow, Nauka Publ., 1985, vol. 2. 464 p.
5. Blagoy D. D. *Istoriya russkoy literatury XVIII veka* [The History of Russian Literature of the 18th Century]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1955. 567 p.
6. Bulkina I. K syuzhetu o pane Tvardovskom (konspekty «kievskoy» ballady Zhukovskogo) [On the Story About Polish Nobleman Tvardovsky (Sketches of the Kiev Ballade by Zhukovsky)]. *Pushkinskie chteniya v Tartu 3: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 220-letiyu V. A. Zhukovskogo i 200-letiyu F. I. Tyutcheva*. [Pushkin Readings in Tartu 3: Materials of the International Academic Conference Devoted to V. A. Zhukovsky's 220th Anniversary and F. I. Tyutchev's 200th Anniversary]. Tartu, Tartu Ülikooli Kirjastus Publ., 2004, pp. 41-63. Available at: <http://www.ruthenia.ru/document/535054.html> (accessed 10 November 2016).
7. Bulkina I. *Kiev v russkoy literature pervoy treti XIX veka: prostranstvo istoricheskoe i literaturnoe. Dis. ... kand. filol. nauk.* [Kiev in Russian Literature of the First Third of the 19th Century: Historical and Literary Space. PhD. philol. sci. diss.]. Tartu, Tartu Ülikooli Kirjastus Publ., 2010. 211 p.
8. Vladimirov P. V. A. S. *Pushkin i ego predshestvenniki v russkoy literature* [A. S. Pushkin and His Predecessors in Russian Literature]. Kiev, Tipografiya Imperatorskogo Universiteta sv. Vladimira N. T. Korchak-Novitskogo Publ., 1899. 84 p.
9. Gister M. A. *Obraz Alyoshi Popovicha v russkoy literaturnoy skazke XVIII — nachala XIX veka* [The Image of Alyosha Popovich in Russian Tale of the 18th Early 19th Century]. A. M. P.: *Pamyati A. M. Peskova* [A. M. P.: To the Memory of A. M. Peskov]. Moscow, The Russian State University for the Humanities Publ., 2013, pp. 158-183.
10. Levshin V. A. *Povesti o Alyoshe Popoviche bogatyre, sluzhivshem knyazyu Vladimiru* [The Short Novels About Bogatyr Alyosha Popovich, who Served Prince Vladimir]. *Levshin V. A. Russkie skazki: v 2 knigakh* [Lyovshin V. A. Russian Fairy Tales: in 2 Books]. St. Petersburg, Tropa Troyanova Publ., 2008, book 1. 472 p.
11. Lupanova I. P. *Russkaya narodnaya skazka v tvorchestve pisateley pervoy poloviny XIX veka* [Russian Folk Tale in the Works of Writers of the First Half of the 19th Century]. Petrozavodsk, State Publishing House of the Karelian ASSR Publ., 1959. 503 p.
12. Propp V. Ya. *Russkiy geroicheskiy epos* [Russian Heroic Epic]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1958. 603 p.
13. Pushkin A. S. Aleksandr Radishchev. *Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochineniy: v 10 tomakh* [Pushkin A. S. The Complete Works: in 10 Vols]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1962, vol. 6, pp. 210-220.

14. Semennikov V. P. *Radishchev*. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1923. 467 p.
15. Sipovskiy V. V. «Ruslan i Lyudmila»: (K literaturnoy istorii poemy) [“Ruslan and Lyudmila”: (On Literary History of the Poem)]. *Pushkin i ego sovremenniki: Materialy i issledovaniya* [Pushkin and His Contemporaries: Materials and Researches]. St. Petersburg, 1906, vol. 4, pp. 59–84.
16. Slonimskiy A. L. Pervaya poema Pushkina [The First Poem of Pushkin]. *Pushkin: Vremennik Pushkinskoy komissii* [Pushkin: Annals of the Pushkin Committee]. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1937, [vol.] 3, pp. 183–202.
17. Smirnov Yu. I., Smolitskiy V. G. Byliny o Dobryne Nikitiche i Alyoshe Popoviche [Epic Folk Stories About Dobrynya Nikitich and Alyosha Popovich]. *Dobrynya Nikitich i Alyosha Popovich* [Dobrynya Nikitich and Alyosha Popovich]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 343–361.
18. Shchedrin I. L. Bogatyrskie poemy N. A. Radishcheva: problema pamyati zhanra byliny [Heroic Poems of N. A. Radishchev: The Problem of Memory in the Genre of Ancient Epic Folk Stories]. *Derzhava ta regioni. Seriya Gumanitarni nauki*. Zaporozh'e, Klasichniy privatniy universitet Publ., 2014, no. 3 (38), pp. 39–45.
19. Yudin Yu. I. *Geroicheskie byliny (Poeticheskoe iskusstvo)* [Heroic Epic Folk Stories (Poesy)]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 120 p.

Дата поступления в редакцию: 18.11.2016